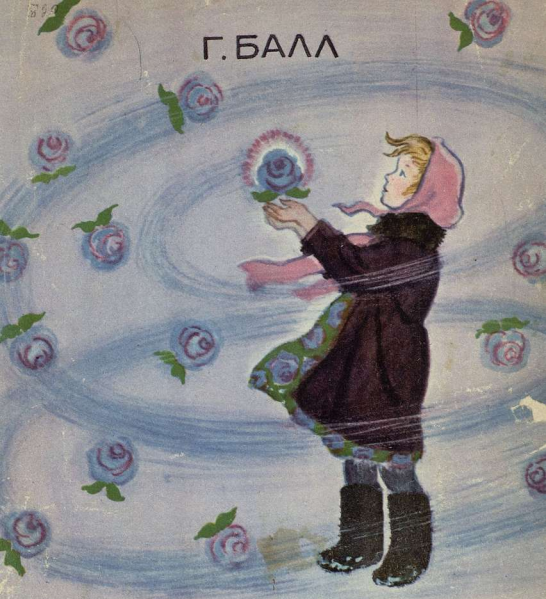
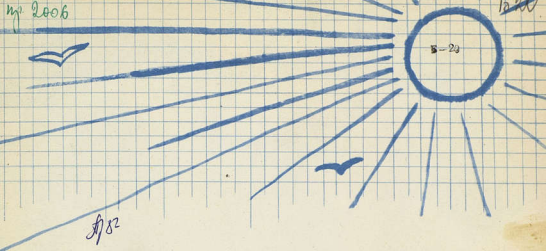

Г. БАЛЛ

ОБНОВКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“

ФИОЛЕТОВОЕ МОРЕ

Море было огромное. А у Любы был маленький листок бумаги. Она вырвала его из тетрадки по арифметике. Аккуратно отогнула стальные стрелки скрепок и дёрнула два листа. Только на одном—не сразу заметила—записаны были примеры. Поэтому Любе пришлось опять разогнуть скрепки и вернуть один лист тетрадке. Зато на другом...

Люба повернулась вполоборота. И делая вид, что она хочет лучше разглядеть написанное на доске, прошептала:

—Лиса! А Лиса! Дай синий.

—За... зачем?

Шура, по прозвищу Лиса, не был самым хитрым пареньком в школе. Его прозвали так за длинный нос, за рыжий цвет волос да ещё за то, что он немного заикался, слова растягивал. Хотя, конечно, вряд ли кто может точно утверждать, заикаются настоящие лисы или нет. И если заикаются, то исключительно ли от большой хитрости? Шурка-Лиса не слыш хитрым, зато он был очень любопытным. У него были длинные ноги. И он мог обежать не только всю свою деревню Кустово—узнать, что делается в соседних домах; он мог прибежать и в Свитино, и ещё дальше, в Киривановскую,—такой уж он непоседливый, Шурка...

—Жалко тебе, что ли?—прошептала Люба.—Так и скажи. У-у, Лиса!

—Мне не-е-е...

—Кружкова!—строго сказала Мария Кузьминична.—Почему ты мешаешь Савинскому?

—Она мне не... не... не...

Ох, как мучительно слушать Шурку! А Шурка и сам не рад. Он сердится на себя за своё любопытство—ведь совсем, совсем было ему не жалко синего карандаша. Просто хотел узнать зачем... А карандаш он даст, какой захочешь: и синий, и зелёный, и красный... Но Люба уже рисовала море чернилами.

Среди фиолетовых клеточек вздыбились фиолетовые волны. Они ударились о фиолетовые скалы, а далеко-далеко поднималось фиолетовое солнце. Люба больше не слушала, что рассказывала Мария Кузьминична о далёких жарких странах. Ведь у неё было своё маленькое море на листке бумаги. И теперь она придумывала, как и чем населить море. Да только звонок помешал.

ДОРОГА ДОМОЙ

Ребята шли от Загорья, где была школа, не проезжей дорогой, а через овраг по тропке. Каждую ночь её засыпало снегом. А утром она снова тоненьким ручейком пробивалась от Кустова.

Утром тяжело идти: иной раз оступишься—нога по самое колено в снегу увязнет, а то и вовсе упадёшь. Темень.

Зато из школы—весело. Тропинка так и прыгает: вверх—вниз, вверх—вниз, словно играет с ребятами. Впереди шагал Шурка, за ним—Люба и маленький Кирюша. Кирюша всё отставал. Портфель, перекинутый на верёвке через плечо, путался у него в ногах. Ребята иногда останавливались, ждали.

—Эй, Ки-ки-рюша, садись на портфель да скачи!—крикнул Шурка.

Кирюша оседлал портфель и пустился галопом. Так у него ловчее получилось. Ребята вошли в лес. Стало тише.

—Ребя, а я чуть белку не поймал,—сказал Шурка.—Она с дерева прыг—да по снегу. А я ма-ахнул шапкой, глядь—на-акрыл... шишку.

Шурка громко засмеялся и покосился на Любу. Шурке хотелось, чтобы Люба тоже засмеялась. Шурке нравилось, когда Люба смеётся. А карандашей ему не жалко, совсем не жалко.

—А что, как живёт наш Тукалка?—спросила Люба.—Может, улетел?

„Тук, дзек, дзек,“—разнеслось над лесом. Опять молчок. Только валенки: скрип, скрип...

Ребята слушали свои шаги. И белая тишина, разливанная деревьями, стала больше. Потянулась к самому небу. Замерла. Хлоп—уронила снежный ком старая ёлка. Махнула ребятам зелёной лапой и прошептала:

—Здравствуйте, я вас давно жду.

Потом ещё где-то—хлоп! И опять молчок. Немо всё.

И вдруг ребятам почудилось, что они совсем-совсем одни. И есть только скрипучий снег, а ещё затаившийся лес...

Тук, дзек, дзек...

Скрип, скрип, скрип...

Шурка нарочно чуть сошёл с тропки, чтобы свежий снег откликнулся громче. Так громко, так громко, чтоб не слышно было тишины.

—А вы идите,—сказала Люба.

—Чего ты?—спросил Шурка.

—Снег в валенок попал.—Иди, иди...

Они пошли, а Люба осталась. Поглядела. Рядом с дорожкой, как огромный гриб,—пенёк. Гриб с белой шапкой. Люба сбросила варежкой белую шапку и села на пенёк, будто, вправду, собиралась вытрясти снег из валенка.

Люба не двигалась. Молчал снег. Молчали деревья. Тишина окружила девочку, стала раскачивать—даже в ушах загудело.

И тогда старик-ветер, ветер из сказки, бодро прошагал по верхушкам деревьев. Да зацепился бородой, упал бедняга в сугроб под ёлкой.

Люба сняла варежку, погладила лёгкий голубой снег.

Вдруг что-то тёплое, живое мелькнуло на высокой сосне. Тёмный комочек быстро стал скатываться вниз.

Люба увидела белку. Белка подбежала к девочке, остановилась.

—Я соскучилась,—сказала белка.

—А я-то, думаешь, нет?—сказала Люба.—Где ж ты была, белочка?

—Много забот, Люба. Бегала по разным делам.

—У тебя теперь новая шубка.

—Да ведь и ты, Люба, летом была другой. У тебя было платье красивое-красивое. Зелёное, как берёзовый листик.

—Верно, белочка. Как ты помнишь?

Мне сверху всё видно.

Люба посмотрела вверх. На ветке сосны уже раскачивался маленький серый комочек. Белочка глядела на Любу и смешно цокала: цок, цок, цок.

—До свидания, белочка!—крикнула Люба и помахала рукой.

—Люба! Люба!—к ней бежал на своих длинных ногах Шурка.

—Ты чего?—спросила Люба.

—А я ведь думал совсем за-амёрзла. Ты с кем сейчас разговаривала?

—Ни с кем, Шурка.

—Так ведь я же... я же слышал.

—Ничего ты не слышал. Иди, иди...

—Ты не сердись, Люб. Мне не... не... не жалко. На, возьми их со всем—и Шурка протянул сжатый кулак с карандашами: красным, синим, зелёным, оранжевым.

И вдруг Люба засмеялась. И больше не было в лесу тишины.

Старик-ветер, ветер из сказки, испугался. Вылез из сугроба. Помчался по верхушкам деревьев. И снег посыпался, точно с неба. А тропка весело повела ребят дальше. Выбежала на поле и, обогнув сугроб, влилась в большую проезжую дорогу.

Там их ждал замёрзший Кирюша.

—У-у, какие!—ворчал Кирюша.—Нос у меня отвалится. Будете тогда отпечатать.

Шурка подскочил к Кирюше. Начал варежкой тереть Кирюшкино лицо, приговаривая:

—Прилетай, карась, Кирюше нос покрась. Прилетай, карась, Кирюше нос покрась.

—Уд-и! Уд-и!—закричал Кирюша и замахал руками.

В это время ребята услышали шум трактора.

—А я так загадаю,—сказала Люба,—успею дойти до дома и трактор не повернёт—значит, мне будет счастье.

Шурка отпустил Кирюшку, посмотрел в поле. Чёрный трактор букашкой полз по снежному буграм к берегу реки.

—И мне будет счастье,—сказал Шурка.

—И мне,—сказал Кирюша.

—А может, так: кто первый добежит, тому будет счастье?—спросил Шурка и глянул на Любу.

До деревни оставалось каких-нибудь полкилометра. Уже хорошо был виден крытый двор Любиного дома, самого крайнего в деревне.

—Раз, два, три!—считал Шурка. Бросились наперегонки. Бежали, не останавливаясь, и только слышно было, как пыхтел Кирюша, как бил его по ногам тяжёлый портфель.

Люба и Шурка с размаху ухватились за калитку. Ребята заспорили, кто первый дотронулся. И только маленький Кирюша молча стоял в стороне. Хорошо знал—не поспел.

Любе стало жалко Кирюшу, оглянулась на поле:

—У всех будет счастье. Глядите! Трактор-то не повернул ещё!

И КОГДА ПРИШЛА ДОМОЙ

Люба распахнула дверь. С мороза ничего не видно. Но сразу дохнуло на неё теплом, домом. Огляделась... И вдруг...

—Папа!—Люба бросилась к отцу. Он легко приподнял её. Один валенок у неё с ноги упал.—Папа приехал! Папа приехал!—запела Люба, приотпывая обутой ногой и другой—в чулке.

Бабушка принесла большую кастрюлю с супом. В нём играли золотые звёздочки масла. Бабушка забелила суп молоком, пригласила к столу:

—Кушайте на здоровье.

Но что это? Начали есть, словно нехотя. Папа нахмурился. Положил ложку.

—Не солёный что-то суп.

Мама ничего не ответила. А бабушка отодвинула тарелку:

—Свои, знать, не по вкусу. Попробуй городских, может, там лучше варят.

—Может, и лучше,—усмехнулся отец.—А чего обижаться?

Люба взяла ложку и посмотрела на отца. Пять дней не было его дома. И всё шло без него как всегда: она приходила из школы, готовила уроки. Бабушка за перегородкой в кухне грела чугунами, пахнущий печкой рыжий кот

Стёпка ласково тёрся о Любину ногу и тянул свою песню: «Мая! Мая! Не забывай меня-я... Желая мя-са! Желая-ю!»

В закуте зашумел поросёнок Серок. Он бил о доску розовой мордой, поросшей белыми волосиками, вздыхал, фыркал. И приговаривал: «Хру! Я здесь! Я здесь! Хру-у!»

«Эй, вы, чудачки, кот Стёпка и ты, Серок, неужто вы не замечали, что не было папы?»

ПОСЛЕ ОБЕДА

Люба разложила на столе тетрадки. Бабушка уносила остатки обеда—хлеб, грязные ложки и стаканы. За перегородкой в кухне отец с мамой о чём-то тихо спорили.

Люба подняла глаза на «патрет»—так бабушка называла фотографию отца... Небольшой снимок—моряк с усиками. Чёрные усики—вразлёт. А на плече чёрные ленты из-за спины, как две змейки.

Рядом с «патретом» три медали. Одна медаль—за Севастополь, вторая медаль—за Одессу, а третья медаль—за Белград. Три города, где сражался с фашистами моряк Кружков, отец Любы. А чуть ниже под медалями висели на гвозде бухгалтерские счёты. Потому что теперь Василий Кузьмич, отец Любы, работал бухгалтером в колхозе.

Люба взяла учебник по арифметике и сразу отложила. Нашла учебник по-русскому, что для неё полегче, раскрыла книгу и увидела листок в клеточку. А среди тесных фиолетовых квадратиков билось, вздыбливалось фиолетовое море.

У Любы была мечта. Конечно, она никому о ней не рассказывала. По-

Не выбросят же её моряки за борт. Оставят. Обязательно оставят. Уприсит она капитана.

Думала Люба. Мечтала. Легко её рука водила карандашом, превращая фиолетовые волны в тёмно-синие. А над волнами поднималось золотое круглое солнце, похожее на медаль.

ВОТ ПОЛУЧИЛА ОБНОВКУ

И вдруг ударило. Грохнуло. Из кухни выкатился горшок. Чёрным колесом подкатился к столу. Чугунок „бамкнул“ и замер. Будто так и надо ему стоять посреди комнаты. Кот Стёпка, за минуту до того спокойно сидевший на кровати, пулей метнулся к печке. А из кухни вслед за горшком—бабушка, платок сбился с головы, завопила:

—Всё пропади пропадом!

Подскочила к горшку и футбольным ударом пихнула его ногой.

—Пропадай!—закричала она вслед катившемуся под кровать горшку.

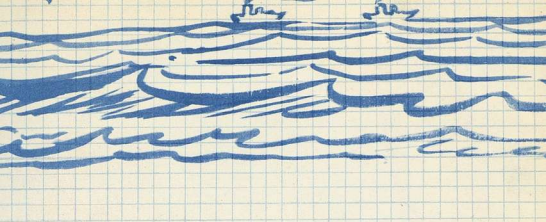
Поросёнок Серок подумал—такой шум, сейчас, значит, будут обедом кормить. Изо всех сил застучал носом, зафыркал: „Хру! Куда ж ты, бабушка?! Я здесь! Хру-у!“

Люба засмеялась.

—А ты чего зубы скалишь?—крикнула на неё бабушка.—И тебя на городские пироги потянуло? Все вы пятки салом смазываете. А кто хлебушко сеять будет?!

Открылась как раз дверь. Ввалился в морозовых клубах, с инеем в бороде и на бровях дедушка Кузьма Степанович.

—А-а! Пожаловал!—повернулась к нему бабушка.

—Пожаловал,—сказал дедушка, улыбаясь с мороза, слепой ещё от домашнего тепла и электрического света.

—Где пропадал?—строго спросила бабушка.

—В сараях. За ульями надо было приглядеть.

—За ульями? А ну дыхни!

—Зачем деда Кузьму обижать?—И дедушка, смешно выпятив губы, вдохнул, а потом как дунет.

—Ну что, проверила? А теперь бы пообедать Кузьме Степанычу, ложкой руки натрудить, разомлели бы с морозу.

Люба улыбнулась. Всегда так дедушка про себя говорил. И от этой привычной шутки посветлело в комнате.

—Любаша!—крикнула мама.—Мы и забыли.

Она побежала к комоду, вытащила большой белый свёрток, развернула...

Словно лето ворвалось в дом. В глазах у Любы запестрело от голубых цветов и узоров.

—Ой, какое красивое платье!—прошептала Люба.—Оно моё?

—Твоё, доченька.

—Спасибо, мама, я сейчас примерю.

—Конечно. Только благодари не меня—отца, он привёз.

Люба бросилась к отцу, ткнулась головою в его грудь, заплакала.

—Вот глупенькая, радоваться надо, она слёзы льёт,—сказал отец.

—Я ра-а-адуюсь,—всхлипнула Люба. Не стирая слёз, схватила платье и убежала за перегородку.

В новом платье Люба завертелась перед зеркалом.

—По-моему, мама, ничего сидит.
—В самый раз, доченька.
—А здесь пояс больно широк. Да зачем он сади к платью пришит? Хорошо это, а?
—Хорошо, хорошо,—засмеялась мама. И вдруг, прижав к себе голову дочки, зашептала:

—Может, всё обойдётся, доченька. Отец в город ездил, встретился с приятелем. Они ещё на фронте вместе были. Он звал отца на завод. А ты знаешь, отец какой—огонь. Сейчас же раз-раз и решил. Но ведь жалко уезжать, всё-то родное...

Люба закивала головой. Она обняла мать и, как старшая, поцеловала в лоб.

—Я в новом платье в кино сбегая. Сегодня в Загорье картину привезли.

Люба быстро оделась и выбежала на улицу.

И ВСТРЕТИЛА СКАЗКУ

Улица, ты совсем небольшая. Восемь дворов с правой стороны и шесть дворов слева. И каждый дом Люба знает. Да что дом? Каждую палку в заборе, канавку у палисадника, щербинку на окне. Улица, ты давно-давно знакома с Любой.

А ты знаешь, ты слышала, улица? Может, скоро, может, очень скоро Люба уедет. Разве тебе не жалко? Но как, чем ты удержишь Любу? Маленькой ледяной горкой возле колодца?

Но ведь далеко-далеко на юге есть горы с огромными ледяными шапками. Может, маленьким ручейком, что течёт летом по оврагу за Любиным домом? Хороший ручеек. Светлый, ласковый.

Но ведь там, на юге, шумит, шуршит песком настоящее, огромное море. „Нет, до свидания, моя улица!“ Люба завернула за шестой двор, там начиналась тропинка в поле. Здесь опять налетел на неё ветер, ветер из сказки, зашумел.

—Ты куда это, Люба? Ты куда это идёшь? Ах ты, торопыга маленькая!

Присела Люба на краю поля. Чуть разгребла варежкой снег. Дохла. Из снега показался росток озимой пшеницы. Он был зелёный и острый. Потянулся к девочке, точно на цыпочки встал.

—До свидания!—сказала Люба ростку.

—Уезжаешь?—спросил росток.

—Ага. В город.

—Когда?—спросил росток.

—Не знаю ещё. Скоро, наверно. Очень скоро

—Весна близко,—сказал росток.—Ты её слышишь?

—Нет.

—Послушай хорошенько. Уже вздыхает земля под снегом. А издали торопятся ручьи с гор.

—Не... я бы послушала. Но мне надо со всеми попрощаться. Прощай!

—А мы здесь под снегом всё слушаем, всё слушаем... Ждём.

Люба закидала снегом зелёный росток, чтоб не замёрз. И пошла.

А когда повернула назад к деревне, подумала: „Хорошо бы дать простор красивым узорам и цветам на новом платье“. Только она так подумала, как сейчас же на её руке оказался голубой цветочек. Она чуть подержала его на ладони, потом кинула на снег. Сразу снег подтаял, стал голубым.

И вдруг Люба услышала далёкий ручей. Первый весенний ручеек. Люба распахнула шубу. Налетел ветер, ветер из сказки. Стал срывать цветы с платья. Люба прислушалась. Земля гудела от ручьёв.

А ШУРКА РАЗЫСКИВАЛ ЛЮБУ

...Около двери телятника размётанные пучки соломы.

„Это с саней нападало. Молоко телятам привозили“,—подумала Люба. Она и не заметила, как здесь очутилась.

Дверь была заперта на замок. К телятнику прижимался большой сугроб, а над ним чернело окно. Люба забралась на сугроб, протиснулась в узкое окошко. На неё пахло клеверным медовым сеном и молоком.

Уф! Люба прыгнула вниз, на мягкую копёшку сена. Выбравшись из сена, открыла скрипучую дверь, что вела из тёмного тамбура в телятник! Здесь было светло от двух электрических лампочек без абажура.

В каникулы Люба вместе с другими ребятами помогала телятнице Валентине Ивановне. А уж теперь давно здесь не была.

На стене в кухне должен висеть халат Валентины Ивановны. Люба искала, но не нашла. Наверное, тётя Валя взяла его стирать,—решила Люба. Захватив с собой вилы, она пришла к телятам в клетку.—Вот сейчас уберусь немножко и пойду*,—подумала Люба. Но ей почему-то не хотелось двигаться. Зачем она пришла сюда? Покормить телят? Нет. Просто попрощаться. Скоро ведь и в дорогу. Может, последние денёчки остались. Вот уж не знала она, что так привыкла ко всему здесь. Она гладила ушастые головы телят, нащёптывала:

—Прощайте, телятки. Вы меня будете вспоминать, да?

—Люба! Люба!—кто-то с шумом прыгнул на сено. Дверь из тамбура приоткрылась.

—Это ты, Лиса?—спросила Люба.—Ишь лазит. Чего тебе?

—Так,—сказал Шурка, стряхивая приставшее сено.—Я ду-ду-мнал, может, кто здесь из ребят.

Шурка не стал рассказывать, как он бегал по деревне—хорошо ноги у Шурки быстрые. Бегал по деревне, искал Любу. И как он, будто настоящая лиса, по следу разбирал, распутывал. А сам прикидывал, ну куда может пойти, раз дома нет,—в Загорье-то ещё рано, ещё никто не собирался. Он уже две деревни соседние обежал, в три скотных двора заглядывал, а на конюшне его чуть Орлик не прибил, мерин злой, кусачий. Из птичника Шурку Марья Филипповна прогнала, чтоб зря не шатался, не мешал. А Шурка искал Любу потому, что слышал на деревне, будто уезжают Кружковы, будто совсем уезжают.

—Бери вилы да носи сено,—сказала Люба,—а то Валентина Ивановна что-то не идёт.

—Как-какое у тебя платье! Новое, что ль?—спросил Шурка.

Люба обрадовалась:

—Новое. Отец из города привёз. Видишь, цветы какие.

—Ага.

—А сзади, Люба повернулась,—пояс, как бант.

—Зачем же сзади? Надо бы спереди.

—Надо бы!—передразнила Люба.—Носи сено. Носи.

И он взял вилы, пошёл в конец телятника, в тамбур, где было сено, слезавшееся, припорошённое снежком из разбитого окна.

Разворошил, зацепил на вилы, схватил больше воздуха ртом и на себя вилы потянул. Поднял. Понёс целую охапку, чуть ли не копейку, как настоящий мужик, здоровущий. Принёс и к ногам Любы сбросил. Вот. И опять в конец телятника за новой охапкой. Телята замычали, заволновались.

—Ну, глупые, чего вы,—приговаривала Люба, раздавая сено по кормушкам.

Рассыпалось сено. Запахло летом—северным, коротким. Расплескалось наволокой—покосом луговым.

Шурка устал. Сел на сено, рядом с клеткой недельных телят. Подждал, когда Люба кончит кормить, чтоб, наконец, расспросить, узнать, правда ли уезжает. Ведь у Любы сразу и не спросишь, она и осмеять может, расшутится, а уж потом дерись с ней, с девчонкой. А Шурке не хочется с Любой драться—зачем? Если бы с кем другим.

Подошла Люба. Пальтишко накинула, села... Тоже ведь устала. И хотел Шурка издалека, а спросил напрямик:

—Уезжаешь?

—С чего это ты?

—На деревне говорят.

—Кто говорит?

—Да уж слышал. Знаешь, Люб, не уезжай. Оставайся с бабушкой.

—И ты тоже говоришь: „Не уезжай“.

—А кто ещё?

—Вон они,—Люба кивнула на телят. Засмеялась.

Шурке очень нравилось, когда Люба смеялась.

Он улыбнулся:

—А может, все врут?

— Ясно, врут, — смеялась Люба.

— Зна-зна-ешь, что я придумал, — сказал Шурка, — летом мы с тобой пойдем рыбу ловить. Ох, я одно место знаю.

— За бочагом?

— Что ты, нет. В лесу, за третьим мостиком. Берег крутой. Тёмный, коряжный. А щука там живёт! Сто лет ей, а может, больше. Мы жерлицу поставим. Или так с берега ки-кидать станем.

— А я знаю одну кружавинку в лесу, — вспомнила Люба. Вспомнила — и точно опять увидела маленькую полянку, зелёную, незаметную среди зелёного леса. А только как подошла она тогда летом к полянке да шепнула, позвала: „Кружавинка! Кружавинка! Не прячься, маленькая!“ — и расцвела полянка красной земляникой, спелой земляникой. Ягоды раньше под листьями прятались, а как позвала их Люба, девочка с ласковыми словами, так и открылась кружавинка, земляничная кружавинка...

— Значит, это правда, что ты уезжаешь? — вдруг спросил Шурка.

— С чего ты?

— Так. На деревне зря говорить не станут. А тебе, Люб, не жалко уезжать?

— Не знаю, Шурк. Может, и жалко. Ты иди. Иди, я тётю Валю дождусь.

— Дождусь!.. И че-че-чего ты меня всё про-про... прогоняешь. — Шурка стал сильно заикаться.

— Ничего я тебя не прогоняю. Сиди.

— Не хочу я сидеть.

— Ну иди.

— Не хочу идти. У-у-уезжаешь. А... не... хочешь говорить.

— Так я же сказала.

— Да-а-а, сказала! А я облазил сколько, обежал. Ну, теперь всё равно. Всё едино. На, возьми, — Шурка быстро протянул Любе и отдал, втиснул

41808.
в Любину руку бумажку, записку. Заранее приготовленную и уж крепко пропотевшую в Шуркином кулаке. Отбежал, остановился, крикнул:

—Прочтёшь. Ответ скажешь!

Хлопнул дверью. Потом вдруг опять распахнул дверь:

—Я у леса буду ждать. На тропке.

И скрылся. Было слышно, как полез на сено, как стучал валенками об стенку, подтягиваясь к окошку.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Они шли вместе по тропинке.

Очень тихо шли по той тропинке, что осторожно пробиралась из поля в лес. И ветер, и деревья удивлялись: „Почему они идут не шумные, как всегда, а тихие?“ Знакомая ёлка чуть махнула им зелёной лапой:

—Куда это собрались? В школу? Что-то больно поздно. Ох, неугомонные, всё бродят, бродят...

Не ворчи, старая ёлка. Ты не знаешь: кино в Загорье.

Люба остановилась, чтобы поддержать большую лапу старой ели. Она сняла варежку и попрощалась, будто с человеком:

—До свидания, старая ёлка!
Ёлка легонько уколола руку:
—Прощай!

И тут Люба вспомнила, что она скоро должна уехать. Ей стало вдруг грустно. Неужели всё это она больше не увидит? Такое знакомое, родное.

Вон там, под той сосной, почти у самой дорожки, она нашла осенью белый гриб. Да какой большущий, шире ладони. Эх, где ещё найдёшь такой?!

Если пройти напрямик от сосны, шагах в двухстах—овраг. Крапивы там—ужас, в рост человека. Прошлым летом собирали ребята малину. Кирюшка тоже увязался. Все набрали много малины. А у Кирюшки в плетёнке ягодой и дно не покрыло. Зато лицо покраснелось, упарился паренёк.

—Ты, Кирюшка, хоть бы лицо вытер,—говорят ребята.

Он сорвал листок, мазнул по носу да как закричит:

—Ой! Ой! Обстрекался!

Вместо листика малины крапивным утёрся. Ребята посмеялись над Кирюшкой, а потом незаметно отсыпали ему в плетёнку ягод.

Идёт Кирюшка—удивляется: было пусто, стало полно! Вот глупый малыш.

Люба вспомнила. Засмеялась.

—Ты чего?—спросил Шурка.

—Так. Вспомнила.

А раз попросила Вера Алексеевна всех ребят в классе принести листьев для гербария.

Наташили столько, что весь пол листьями покрылся. Стало в школе, как в лесу.

Вера Алексеевна говорит:

—Тут не только для гербария, для коров хватит. Ну-ка, Шура, отнеси их на ферму.

Шурка целый мешок набил—еле поднял.

И опять Люба улыбнулась.

—Ты чего?—спросил Шурка.

—Так, вспомнила,—сказала Люба.—Ты иди. Я тут подожду.

—Оп-ять?

—Чего опять?

—Ну говоришь: „Иди. А сама—подожду“.

—Снег у меня в валенок попал, иди. Сей-час я нагоню.

Люба подошла к большой сосне, крикнула:

—Белка! Серенькая белочка!

Белка не откликнулась. Молчала. Тогда Люба села на пенёк рядом с маленькой зелёной ёлочкой. Ёлочка, благодарная, погладила Любу по щеке своей колючей лапкой.

Люба сняла варежку, и на её ладони оказалась белая бумажка.

—Что это?—спросила ёлочка.

—Записка, письмо,—сказала Люба.—Это Шурка написал. Чудной парень. Хочешь—прочитай.

—А я не умею. Не умею читать,—огорчилась ёлочка.

—Ну хорошо,—сказала Люба.—Я сама тебе прочитаю.

Но Люба не знала, что в эту минуту большая сосна сказала, и её голос разнёс ветер по лесу: „Слушайте все! Слушайте, сосны и ели. Слушайте письмо Шурки к девочке Любе. И не перебивайте. И не шумите“.

Люба не заметила, как деревья в лесу замолчали, прислушались. Всё стихло.

„Пшет тебе один человек,—читала Люба.—Этот человек навеки будет о тебе думать, хоть ты куда уедешь, хоть далеко в другое место. Потому что этот человек без тебя будет всегда скучать. Только не смейся, этот человек тебя любит“.

—Тут дальше не разберёшь,—сказала Люба.—Накарябано.

И она выпустила из руки белую бумажку. Ветер подхватил её, понёс. Не ветер из сказки, а просто ветер. Холодный и неласковый.

—Люба!—позвал Шурка.—Ты чего это на снегу? Идём. Там Кирюшка дожидается, замёрз.

Люба встала и пошла вместе с Шуркой.

На просеке, как столбик, торчала маленькая чёрная фигурка.
—Закоченел весь,—ещё издали закричал Кирюшка.—Я думал, вы вперёд меня пошли.

Шурка быстро оглянулся, прошептал:

—Люб, ты мне ответ напиши. На-напишешь?

—Чудак ты, Шурка. Не стану я тебе писать.

—А как же?—спросил Шурка.

Люба ничего не ответила.

—Эх ма!—крикнул Шурка и пошёл вперёд.

—Не трогай! Не трогай!—Кирюшка спрятал лицо в варежки. Думал, что Люба опять станет его растирать.

А Шурка молча обошёл малышку, даже не оглянулся.

—Погоди!—сказала Люба.

—Ну чего?—спросил Шурка.

—Ладно. Напишу.

От просеки тропинка сжалась. И ребята шагали гуськом: впереди Шурка, за ним маленький Кирюшка, а сзади Люба.

—Что-то вы какие?—сказал Кирюшка.

—Какие?—спросил Шурка.

—Какие-то чудные. Не разговариваете.—Кирюшка засмеялся.—Ребята, а мне, вправду, счастье было. Помните, уговорились: кто добежит до Любиного дома и трактор не повернёт,—тому счастье. Я добежал—мне дома мать конфету дала. Вот такую!—Кирюша широко расставил руки.

—Ври!—засмеялся Шурка.

—Да нет, правда!—Кирюша быстро сдвинул руки.—Вот такую.

Люба подумала: „Ишь ты, тоже вон у Кирюши счастье.“ И вдруг решила: „А куда я отсюда не уеду! Никуда!“ И поглядела на Шурку: „Сказать ему что ли?“

—Кажется, Тукалка!—сказал Кирюша.

Послушали.

—Нет,—покачал головой Шурка.—Дерево от мороза треснуло. Тукалка спит.

Ребята прибавили шаг. Вышли из леса. Тропку почти засыпало. Но зато впереди уже показались огоньки Загорья.

—Давай, кто быстрее!—крикнул Шурка.

Бросились вперёд, толкая друг дружку.

Огоньки всё ближе, ближе. И вот уже до них рукой подать.

Цена 20 коп.

Малыш 7 кл.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Балл Георгий Александрович

ОБНОВКА

Художник О. Траскина

Ответственный редактор И. Васич	Художественный редактор Г. Контелова
Технический редактор В. Голубева	Корректоры: С. Вланкштейн и Н. Пьяикова
Подписано к печати 21/8-1964 г.	Тираж 100 000 экз. Формат 60x90 1/8
Печ. л. 3 Уч.-изд. л. 2,85	Изд. № 1565 Зака № 13
Издательство «МАЛЫШ» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати	
Москва, А-35, Бутырский вал, 65	

Московская фабрика офсетной печати, Осташковское шоссе, 78